

18. Хинич М. Карикатура — это возможность почувствовать себя свободным : интервью с директором музея карикатуры Гилат Гаон. URL: <http://www.boti.ru/node/41655> (дата обращения: 10.05.2013).
19. Edwards A. Scientific expertise and policy-making: the intermediary role of the public sphere // Science and Public Policy. 1999. Vol. 26, № 3. P. 163—170.
20. Gunter B. Television and Gender Representation. London : John Libbey, 1995. 179 p.
21. Lundell A. K., Ekström M. The complex visual gendering of political women in the press // Journalism Studies. 2008. Vol. 9, № 6. P. 891—910.
22. Sheppard A. Cartooning for Suffrage. Albuquerque : University of New Mexico Press, 1994. 276 p.
23. Turgeon A. Les femmes et la politique dans les caricatures de Robert La Palme, 1943—1951 // Rev. d'histoire de l'Amérique française. 2009/2010. Vol. 63, № 2/3. P. 361—387.
24. Who Makes News : the Global Media Monitoring Project Report. URL: http://whomakesthenews.org/images/stories/website/gmmp_reports/2010/global/gmmp_global_report_en.pdf (дата обращения: 10.05.2013).

ББК 76.000.0

Н. А. Завершинская

ГЕНДЕРНЫЕ МЕТАФОРЫ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Современная российская политика транслирует ценности, которые глубоко укоренились в российской культуре и согласуются с метафорической системой, в мире понятий которой протекает наша жизнь. «Именно образы, а не суждения, именно метафоры, а не утверждения, как замечает Р. Рорти, определяют большую часть наших философских (равно как и политических, и многих других. — Н. З.) убеждений» [1, с. 259]. Чтобы осмыслить реалии современной российской политической жизни, попробуем обратиться к исследованию сопровождающих ее метафорических образов. Метафоры мы собираемся изучать в контексте той реальности, которая конструируется медиаполитикой, имея в виду, что с наступлением информационной эпохи «поле битвы переместилось в ментальное сотворение и сокрушение образов» [5, с. 112].

Контексты конструируемой медиаполитикой реальности

Задачей массмедиа, как считает немецкий социолог Н. Луман, является управление самонаблюдением общественной системы. Для этого общественная система через посредство массмедиа должна быть способна в процессе наблюдения различать и обозначать нечто определенное. Благодаря различению в процессе самонаблюдения общество и конструируемые им коммуникации способны бинарно кодировать себя в отношении приемлемого/неприемлемого, адекватного/неадекватного, актуального/неактуального, нормального/аномаль-

ного, когнитивного/нормативного, сообщения/информации и, таким образом, зондировать внешний мир посредством различения. Без этого различения общественная система не смогла бы эволюционировать и воспроизводить саму себя, выстраивать собственную комплексность.

Различения, используемые в общественной коммуникации, являются продуктами социальной системы, а не предзаданными атрибутами мира или онтологическими конструкциями бытия, зафиксированными обществом в категориях и понятиях. Это значит, что в нормальном режиме общественная коммуникация не ориентируется ни на науку, ни на право, поскольку дифференциация когнитивного/нормативного на науку и право не сможет удовлетворить все многообразие ориентационных потребностей общественной коммуникации. Значимый компонент для удовлетворения ориентационных потребностей общества составляет обусловленная культурой система ассоциативных импликаций, метафорических образов, через которые обнаруживает себя «скрытая прослойка мышления».

Массмедиа, удовлетворяя ориентационные потребности, производят стабильные значения и ориентации в когнитивной, нормативной и ценностной сферах для поддержания коммуникативного процесса, абсорбируют и создают объекты (темы) для дальнейшей коммуникации. «Массмедиа, — пишет Н. Луман, — гарантируют всем функциональным системам настоящее, приемлемое для всего общества, а также известное индивидам, из которого можно исходить, когда речь заходит о селекции некоторого системно-специфического прошлого и об установлении важных для системы ожиданий будущего. В зависимости от специфики этой потребности другие системы могут потом настраиваться на связь с прошлым своих механизмов предвидения...» [4, с. 154]. Через механизм забвения и воспоминания, связанный с переинтерпретацией смыслов, массмедиа переводят отобранные в ходе селекции смыслы в информацию, которая и становится темами коммуникации. При этом в тему «сгущается» только то, что может организовать определенную частоту коммуникаций и что открыто для принятия и отклонения новых подстановок смысла. Посредническую функцию в создании новых смыслов и значений выполняет метафора.

В процессе общественной коммуникации на основе механизма различения сообщения/информации конструируется реальность, порождаемая массмедиа, т. е. возникает описание мира и общества, на которые ориентируется современное общество внутри и вне системы его массмедиа.

Таким образом, массмедиа являются средствами (медиумами), поскольку организуют подготовку, развитие и трансляцию фонового знания, из которого можно исходить в коммуникации [4, с. 105]. Оно глубоко пронизано метафорической структурой, которая нами, как правило, на уровне повседневного мышления никоим образом не осознается. Какое имплицитное содержание несут метафорические гендерные образы, сконструированные современной российской медиаполитикой, нам и предстоит выяснить.

Создание метафор как «фундаментальный инстинкт человека»

Метафора как один из видов коммуникации занимает особо значимое место в сфере социальных и политических взаимодействий. По меткому замеча-

нию Р. Цилла, «метафора это то место, где социальные отношения и культурные практики приобретают значимость в еще большей степени, чем в понятиях, четко определяемых в отдельных теоретических контекстах» [1, с. 180—181]. Являясь действенным средством выражения социальных отношений, метафора в то же время выступает как важное орудие мышления и познания. Функционируя как когнитивный процесс, она углубляет наши представления о мире, меняет наши способы его восприятия и понимания. Именно на основании этого Х. Ортега-и-Гассет определил метафору как форму научной мысли.

Имеется следующее определение данного феномена: «Метафора: фигура речи, заключающаяся в том, что имя или дескриптивное выражение переносится на некоторый объект, отличный от того объекта, к которому, собственно, применимо это выражение, но в чем-то аналогичный ему; результат этого — метафорическое выражение» [10, с. 159]. Механизм метафоры как бы приручает чужое, делает чужое близким, а близкое чужим [1, с. 178]. По словам А. Вежбицкой, метафора покрывает лакуны в словаре буквальных наименований [10, с. 159]. Дело в том, что не все окружающие нас объекты могут быть нами восприняты в форме ясных и четких представлений. Поэтому мы вынуждены обращаться к легко доступным для нашего понимания объектам как к необходимым посредникам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие о сложных и труднообъяснимых феноменах. При помощи метафоры, пишет Х. Ортега-и-Гассет, «нам удастся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлиняет “руку” интеллекта; ее роль в логике может быть уподоблена удочке или винтовке. Из этого, впрочем, не следует, что она раздвигает границы мыслимого. Отнюдь нет. Она лишь обеспечивает доступ к тому, что смутно виднеется на его дальних рубежах. Без метафоры на нашем ментальном горизонте образовалась бы целинная зона, формально подпадающая под юрисдикцию нашей мысли, но фактически неосвоенная и невозделанная» [1, с. 72]. Д. Дэвидсон, так же как и Х. Ортега-и-Гассет, обращает внимание на то, что при буквальном употреблении язык «пружинит», в то время как метафоры растягивают язык за пределы его эластичности [1, с. 234]. Происходит это за счет способности метафоры разрушать существующие категоризации, чтобы затем на развалинах старых логических границ создавать новые. В результате размывания установленных логических границ обнаруживается латентная сущность объекта, невидимая в рамках прежних классификаций.

По мере того как наше познание, по замечанию Х. Ортеги-и-Гассета, движется от конкретных предметов обыденной жизни ко все более абстрактным, метафора становится все более необходимой как важное орудие мышления [1, с. 75]. Поэтому без посреднического каузального эффекта метафор, в том числе гендерных, невозможно, на наш взгляд, адекватно воспринять и объяснить те процессы, которые разворачиваются на наших глазах в такой сложной сфере, как сфера современной российской политики.

Гендерная метафоризация основных субъектов российской политической сцены

Российская медиаполитика в последнее время перенасыщена женскими образами. На экранах российского телевидения и в пространстве Интернета «героями» новостных программ и политических шоу нередко становились участницы группы «Pussy Riot», так называемого женского батальона Сердюкова, представительницы Государственной думы, номинированные журналистами «Московского комсомольца» в качестве политических содержанок, и др. Но и в недавнем прошлом, во время избирательной президентской кампании, гендер также играл важную роль в распознавании происходящих событий. Попробуем вспомнить некоторые сюжеты медиаполитики конца 2011 — первой половины 2012 г.

Предвыборная кампания 2012-го позволила зафиксировать появление на российской сцене в качестве одного из активных политических игроков оппозиционно настроенного среднего, или креативного, класса. Журналисты определили его возраст как подростковый, ибо, по их словам, его еще нельзя назвать мужчиной в полном расцвете сил [8]. Нетрудно догадаться, почему пол среднего класса квалифицируется как мужской, а не женский: женское начало традиционно ассоциируется в российской культуре с консервативностью, в то время как креативность (креативный класс) — с мужским признаком.

Впрочем, и представители протестного движения не гнушались подобных метафоризаций в идентификационных играх. Пытаясь провести дифференцирующее различие со своими оппонентами, они активно прибегали к языку сексуальных метафор. Добровольно-принудительный характер митинга на Поклонной горе был воспринят ими через метафору падшей женщины. Если и на митинге на Болотной, и на митинге на Поклонной был один и тот же российский народ, это не значит, по их словам, что «в домашних постелях и в борделях одни и те же женщины. Это цинизм. Да, у тех и других две руки, две ноги, говорят по-русски. Но разница огромная: одни — по любви, другие... Мы же понимаем, что в бордель девчонку загнала злая судьба, подонок-сутенер. И даже если там найдутся такие, которые по доброй воле, из любви к человечеству, гм-гм... мы считаем, что они дуры — не понимают, что творят с собой, со своей душой» [7].

Образ падшей женщины с легкой руки В. Жириновского был приклеен и пропутинской партии «Единая Россия». Дебатируя с Н. Нарочницкой, выступавшей в качестве доверенного лица В. Путина, Жириновский заявил: «Да, «Единая Россия» больше никому не нужна, она теперь падшая женщина» [6].

Эстетика протеста не только в России, но и за рубежом не гнушается прибегать к эротике и сексуализации политики. Е. Киселев, ведущий ток-шоу «Великая политика» на украинском телевидении*, идентифицировал Украину как страну раздетых девушек, поскольку в экстравагантных акциях движения «Femen» (рук. А. Гуцал) использовался «главный калибр (оголение бюста. — Н. З.), которым они потрясли мир» (С. Поярков, украинский художник).

Можно в этой связи вспомнить и эксцентричную акцию протеста «Pussy Riot», когда ее участницы в масках и ярких платьях вскочили на амвон в храме Христа Спасителя и запели песню со словами «Богородица, Путина прогони»,

* ТВ «Интер» (Украина), 18 ноября 2011 г.

«Богородица, стань феминисткой» и «Глава КГБ, их главный святой, ведет протестующих в СИЗО под конвой». Вокруг этой акции в России до сих пор не утихают споры.

Путин, как главный актер недавней президентской предвыборной кампании, также нередко в медийном пространстве сексуализировался: мачо Путин, Путин как желанный жених для россиянок в песенке «Гольден бабок»: «На деревне почталыон / Девочек кроет матом: / “Хватит, девки, письма слать: / Путин наш — женатый”. / Я лечу в автомобиле, / Хорошо мне все видать. / Кроме Путина не вижу, / За кого голосовать! / Опа-попа, зеленая ограда, / Станет Путин президентом, / Так оно и надо» [11].

Целый веер гендерных образов России и российской государственности тиражировался в ходе президентской избирательной кампании и продолжает тиражироваться сейчас, когда она осталась в прошлом. Россия — это и страна «великих» жен», и «падчерица» бюрократической чиновничьей элиты, она «напоминает беременную девушку бальзаковского возраста. Вот и думает что-то родить, но иногда закрадываются мысли побыстрее сделать аборт» [12]. Если расшифровать данный метафорический образ, то речь идет о том, что «мы стоим, по замечанию экономиста Никиты Кричевского, не на распутье, а на пороге неизвестности. Если говорить о распутье, то социально-экономическая политика государства за последние 12 лет отличается стойкой шизофренией. Ее смысл в том, что на словах мы декларируем одно, а на деле происходит совсем другое. Мы все последние 12 лет, а то и больше, да что там, с 90-х годов, говорим о том, что нам нужно отказаться от сырьевой модели развития экономики. Как только цены на нефть снижаются, мы говорим о развитии конкуренции, о необходимости модернизации, о развитии предпринимательской инициативы и всего, что с этим связано. Но как только цены на нефть восстанавливаются, это было наглядно продемонстрировано в самом начале 2009 года, когда нефтяная лестница пошла вверх, мы моментально — как больной, который, будучи в кровати с температурой 40, обещает всем, что, как только выздоровеет, бросит вредные привычки и займется спортом. Проснувшись здоровым, моментально забывает о своих обещаниях и продолжает вести ту жизнь, которую он вел до болезни» [9].

Появление «женского батальона Сердюкова» на российской политической сцене, несомненно, активизировало процесс гендерной метафоризации российской политики. В Яндексe на поисковый запрос «женский батальон Сердюкова», сделанный 10 декабря 2012 г., нашлось 82 тыс. ответов. Страницы электронных изданий газет и интернет-форумы в связи с делом «Оборонсервиса» обсуждают как фигуранток дела, номинируя их в качестве «наложниц Сердюкова», «гарема Сердюкова», «борделя» в оборонной конторе и т. д., так и попутно — вопрос о месте женщины в армии. В ходе критики «никчемных» органов управления Вооруженных сил разными авторами довольно часто делается вывод о далеко зашедшей феминизации Российской армии с губительными для нее последствиями. Коллективный дух сформировавшихся общественных настроений хорошо иллюстрирует позиция бывшего начальника Главного штаба Сухопутных войск России генерал-полковника Ю. Букреева: «...совершенно бесправные, никчемные органы управления <...> если он [новый министр обороны] разгонит

оттуда этих дам, некомпетентных, сволочных, которые ненавидят офицерский состав, с которыми невозможно решать ни один вопрос... Представляете, сейчас, как рассказывают, в перерывах на коллегии ведомства очередь в женские туалеты больше, чем в мужские. Женский батальон какой-то» [3].

Несомненно, криминальная история, связанная с «Оборонсервисом», не могла не подорвать имидж женщины, допущенной, наконец, к последнему бастиону мужского мира — к работе в армии. Но удивляет специфическая форма, в которую облекаются суждения по этому вопросу. Почему-то дискурс сразу концентрируется на гендерно-маркированных суждениях, связанных со своеобразной интерпретацией природы женскости, как, например, обсуждение больших шансов «доступа к телу» начальника-мужчины у подчиненных женщин или подсчет численности очереди в туалет, состоящей из представительниц женского пола, на коллегии министерства. Политические скандалы с актерами мужчинами, как правило, не достигают такой интенсивности гендерного «градуса» и таких гендерных деталей и подробностей. Видимо, на оценки хищений, случившихся в Министерстве обороны, влияет не только здравый смысл (так называемое дискурсивное сознание), здесь задействованы и более глубинные механизмы работы нашей психики — фоновое знание со всей неосознаваемой нами в повседневных практиках системой метафорических структур. Чтобы понять, что представляет собой фоновое знание, рассмотрим пример практического знания, названного Д. Дондуреем «теневого идеологией». Как пишет Д. Дондурей, «есть более или менее очевидные культурные платформы — мировоззрение, мораль и национальная ментальность, но жизнь здесь скорее регламентируется множеством неverified правил, и именно они, вернее то, что я называю “теневого идеологией”, управляют ситуацией. Мы все умеем считывать местные непростые контексты, знаем, что работодатель в России — больше чем работодатель, что кроме компенсаторных функций в Интернете тут нет коллективного сообщества, нет профсоюзов, наконец, кроме сумасшедшего Удальцова, нет людей, готовых бескорыстно противостоять несправедливости режима. Знаем, как взаимодействовать с чиновниками, с полицией (чтобы она не убила, а только ограбила), а как — с партнерами по бизнесу. Мы привычно и умело живем по правилам теневого идеологии. Собственно, ее появление не новость: подобная система практических предписаний существовала параллельно с официальной еще в советское время. Но советскую теньную идеологию можно назвать животворной, нонконформистской, и именно это отличает ее от современной» [2].

Фоновое знание содержит целый комплекс неverified правил гендерной идентификации, опираясь на которые мы формируем образы женственности и мужественности и сквозь призму которых осуществляем оценивание окружающего мира и политических сюжетов, происходящих на российской политической сцене. Это фоновое знание вобрало в себя комплекс гендерных метафор, метафорических структур мужского господства и мужского оценивания, подробно охарактеризованных П. Бурдые, И. Гофманом и другими крупными исследователями XX в. Структуры мужского оценивания, как показывает прове-

денный нами выше анализ, остаются по-прежнему непоколебимыми в восприятии массовым сознанием реалий современной российской политики.

Итак, современная российская политика активно эксплуатирует в медийном пространстве гендерные метафоры, которые задают алгоритмы восприятия политического процесса в России и погружают неотчетливое сознание российского обывателя в доступные типизации-обобщения происходящих событий. В основе этих типизаций — все те же архаические гендерные бинарные структуры, как будто в России не XXI в., а все еще век патриархальной старины. Все это свидетельствует о незрелости российской политики и языковых средств ее кодификации. Но будем надеяться, что перед российской политикой откроются новые горизонты и возникнет новая, более глубокая метафорика.

Библиографический список

1. История понятий, история дискурса, история менталитета : сб. ст. : пер. с нем. / под ред. Х. Э. Бедекера. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 328 с.
2. *Кравцова М.* Даниил Дондурей о Путине как культурологе. URL: http://Petr_grinwichURL:http://petr-grinwich.livejournal.com/2056.html (дата обращения: 28.08.2013).
3. *Крецул Р.* «Нужен серьезный откат назад». Бывший начальник Главного штаба Сухопутных войск резко критикует итоги работы А. Сердюкова // Взгляд : деловая газ. 2012. 6 нояб. URL: <http://vz.ru/society/2012/11/6/605924.html> (дата обращения: 28.08.2013).
4. *Луман Н.* Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. 256 с.
5. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М. ; Жуковский : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2003. 464 с.
6. *Мельман А.* Боря, скоро грянет Боря // Московский комсомолец. 2012. 9 февр. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/08/669526-borya-skoro-gryanet-borya.html> (дата обращения: 28.08.2013).
7. *Минкин А.* Моисей Владимирович // Московский комсомолец. 2012. 16 февр. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/15/672198-moisey-vladimirovich-.html> (дата обращения: 28.08.2013).
8. *Минкин А.* Папа Путин и блудный креативный класс // Московский комсомолец. 2012. 7 февр. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/06/668402-papa-putin-i-bludnyiy-kreativnyiy-klass-.html> (дата обращения: 28.08.2013).
9. *Рукобратский В., Яковлев А.* Известный экономист Никита Кричевский: кадровая революция свершилась, постсоветское правительство ушло // Комсомольская правда. 2012. 18 нояб. URL: <http://www.kp.ru/radio/stenography/33665/> (дата обращения: 28.08.2013).
10. Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. 512 с.
11. Частушки про Путина: бабульки сами сочинили и спели смешные куплеты // Dal.by. 2012. 15 февр. URL: <http://www.dal.by/news/2/15-02-12-10/> (дата обращения: 28.08.2013).
12. *Шоль Ш.* Российский карнавал // Московский комсомолец. 2012. 1 марта. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2012/02/29/676835-rossiyskiy-karnaval.html> (дата обращения: 28.08.2013).